

УДК 316.72 (575.2)(04)

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ИЗДЕЛИЙ ПРИКЛАДНОГО ТВОРЧЕСТВА КЫРГЫЗОВ

А.П. Немых

Рассмотрены особенности отражения мира этнической культуры в сакральной утилитарности, учитывающей картину различных сфер повседневной жизни.

Ключевые слова: культура; традиции; архаичные ценности; декоративно-прикладное творчество; этническая самоидентификация.

В настоящее время культура и искусство Кыргызстана переживают непростой, но в то же время динамичный и прогрессивный период. Это явление обуславливается не только специфическими особенностями нашей республики, но и широкими общекультурными связями. Все более очевидной проблемой становится отношение традиции и современности. Не удивительно, когда человек, находясь в тупиковой ситуации, где рушатся идеология и устоявшийся образ жизни, начинает обращаться к идеалам прошлого, архаичным ценностям.

Новый виток современных отношений в нашем обществе также характерен актуализацией архаичных ценностей, ставшей одной из примет современного Кыргызстана. Однако возвратное движение культуры к мифологическим праосновам не является процессом абсолютизации традиции. Здесь появляется новый взгляд современного человека на традиционную культуру, учитывающий при этом многообразие современных форм жизни. Это и определяет творческий путь этноиндивида.

Национальный уклад жизни – достояние определенного народа, что дает основание говорить о степени этнической оригинальности. Именно этнос оценивает и воспринимает жизненные явления сквозь призму традиции и ценностей собственной этнической группы, которые выступают в качестве некоего всеобщего эталона. Этноцентризм материальной и духовной культуры отражает и одновременно создает единство этнической группы, воспитывает чувство “Мы” перед лицом внешнего мира [1]. Аналогичная точка зрения была высказана

Л.Н. Гумилевым. Рассматривая объективную основу существования этноса в природных феноменах, он характеризовал его как “биофизическую реальность, всегда облаченную в ту или иную социальную оболочку” [2]. Межэтнические отношения влияют на укрепление этноса, где межэтнические установки зависят от степени интенсивности и направленности культурных контактов, которые могут быть не только враждебными, но и дружественными. При этом на материальном и духовном уровне формируется граница, которая далеко не всегда четка и стабильна. Это и не согласуется с современными требованиями всеобщей глобализации и формированием единых культурных ценностей.

Проведенные нами исследования показали, что прикладные изделия умеют изготавливать практически все женщины старше 30 лет, но реальным производством занимается лишь небольшой процент опрошенных, а знают название узоров и занимаются производством постоянно 5–6 человек, но и они испытывают трудности экономического характера. Лишним подтверждением этого может являться то, что в процессе экспедиции нам больше приходилось сталкиваться с изделиями, возраст которых старше 20 лет.

Не вызывает сомнений, что “экологичность” таких традиционных культур основана именно на рефлексивном отношении к окружающему миру, но не на современном понимании вердикта: “сохраним природу для потомков”. Скорее в том смысле, что весь окружающий человека мир был населен множеством реальных и воображаемых существ, у каждого из которых была своя жизнь и свои, требующие уважения, инте-

ресы. Отношения с природой воспринимались человеком как взаимоотношения партнеров по взаимодействию, требующие соблюдения определенных норм и правил. “Бережное обращение с природой” было, таким образом, ничем иным, как соблюдением “правил ведения разговора” или как коммуникативное правило создание ярлыка – символа отношения. Понятие орнамента представителей бесписьменных культур, несомненно, также стало одним из видов коммуникационных ярлыков [3], так как орнамент является духовным отражением пространственно-временных характеристик этноса.

Таким образом, исторически восприятие ремесленником проявлений окружающего мира, как “значимых для себя”, и собственных действий, как “значимых для другого”, ведет к отсутствию четко выраженных различий между ритуальным и неритуальным поведением, поскольку и то и другое оказываются знаковыми.

Сложившиеся стереотипы материальной культуры можно изменить, если вызвать потребность в усвоении “искусственно”. К примеру, обучение языку и компьютерной грамоте дадут свои ростки, если обучающиеся попадут в ситуацию, в которой единственным решением проблемы станет высокий уровень обучения, то есть в данной ситуации идет подмена этнической самоидентификации социальной. Конкуренция за рабочие места, а соответственно за индивидуальную самоидентификацию, может породить личную заинтересованность. Такую же модель можно использовать при вызове интереса населения к декоративно-прикладному творчеству. Опять-таки, здесь необходимо сделать поправку на возрастной ценз, говоря о той части этноса, у которой сложился стереотип поведения (ярлык), осложняющий или делающий невозможным процесс обучения [4]. В большей степени именно они нуждаются в “адаптированном переводе” элементов материальной культуры соответственно потребностям современной жизни. То есть, являясь наиболее ортодоксальной, устойчивой этнической структурой, восприятие прямой инновации может вызвать внутриэтнический конфликт.

Следует отметить, что достаточно легко убедить потребителя попробовать тот или иной продукт или купить вещь, отвечающую современной моде. На этом уровне вкусы и запросы потребителя переплетаются с его традиционным укладом. Но нельзя забывать, что сегодня человек, находясь под властью общих стереотипов, моделирует материальные новшества под свой духовный уро-

вень, который зачастую диктуется традиционным коллективным сознанием. То есть новаторства в материальной культуре наиболее благоприятны для усвоения этносом (хотя, как мы отметили, и здесь появляются проблемы), но там где затрагивается духовная сфера, возникают большие трудности усвоения. Поэтому инновации материальной культуры должны накладываться на духовную традицию этноса в сочетании с межкультурным взаимодействием [5]. Интересно проследить этот процесс на примере Кыргызстана, где организация жизни кыргызского этноса, а по его примеру и остальных этнических групп, отличающаяся своей самобытностью, практически никогда не вступала в противоречие с природой и изначально на духовном, а затем на материальном уровне определяла пространство для себя и свое место локализации в макромире.

Примерно подобная интерпретация “ситуации”, о которой идет речь в правилах, связана либо с важнейшими сферами деятельности, либо с особо отмеченными субъектами и объектами, точками исторического пространства и времени. Благополучный исход подобных ситуаций жизненно важен как для отдельного человека, так и для всего этноса.

Очевидно, что содержание орнаментальных текстов и правил может быть описано с помощью набора универсальных семиотических оппозиций (право/лево, день/ночь, свой/чужой, жизнь/смерть и т.д.), что позволило бы выявить уровень мифологизации повседневности [6]. И как мы предполагаем, это, несомненно, нашло бы свое отражение в бинарном наполнении материальной культуры, в частности ее орнаментальной составляющей. “При таком построении создается впечатление как бы позитивного и негативного орнамента” [7].

Накладываясь на мировоззрение, культура формирует правила, составляющие основу этнических институтов, в том числе и государственных.

История свидетельствует о том, что в мире практически не существует моноэтнических государств, что и предопределяет существование особой группы отношений между этносами, проживающими в рамках одного государства, которые в научной литературе принято называть собственно межэтническими. Среди них можно выделить ряд уровней:

- отношение между титульной нацией и национальными меньшинствами;
- отношение между национальными меньшинствами;

➤ отношения внутри каждого этноса (клановость, родоплеменные отношения), так называемые “субэтнические” отношения.

С точки зрения развития декоративно-прикладного творчества наиболее архаичные формы сохраняются на третьем уровне отношения, и это закономерно, так как группа стремится сохранить свою индивидуальность, проявляемую в том числе и через материальную культуру. И наоборот: восприятие инноваций наиболее благоприятно при первом уровне отношений. Отношения между национальными меньшинствами обычно приводят к “добровольному взаимопроникновению” материальной культуры или к полному растворению, при этом этноидентификационный приоритет смещается в сторону духовной культуры.

Вполне вероятен и противоположный вариант развития: этногруппа, оказавшись в инокультурной устойчивой среде, выбирает полярную сторону взаимоотношений. При этом утрируется сама форма презентаций материальной культуры, ориентированной на принципиально новую трактовку мифологем: “обиженных, но уникальных, непревзойденных и т.п.”, тогда национальные изделия помимо утилитарных и праздничных функций могут приобретать политическую, социальную окраску. Примером могут служить непростые взаимоотношения между исламом и властью в Европейских государствах. Такая же ситуация может произойти, когда материальная культура, не используя в повседневной жизни, может выступать как средство политического, социального давления в межэтнической среде.

Еще менее очевидна, а значит, нетривиальна и важна, ограниченность самоценности мастера как представителя этноса. Дело не просто в том, что люди бывают разные, а в том, что сам ремесленник, как представитель этноса вообще, отнюдь не носитель исключительно добра и высших ценностей, скорее он выступает как иллюстратор духовных традиций этноса. За мастером-человеком, в общем-то этноидентифицирующим, надо видеть главное – свободу, носителем чего он довольно часто выступает. Покушение на свободу всегда, так или иначе, оказывается покушением на бытие, уничтожает его. “Тем самым обесмысливается творчество мастера – выразителя этнокультуры, ведет в тупик и осознание самоценности этнического индивида, так как это не совпадает с архаическими представлениями обезличенности творца предметов этноматериальной культуры” [8].

Стирание и восприятие инноваций национально-этнического плана декоративного твор-

чества не становится доминирующей проблемой, современного исследования прикладного творчества. Скорее, речь идет о внутренних факторах, спровоцированных внешними пространственно-временными воздействиями. Похоже, речь идет именно о необратимой динамике. От экономики, политики декоративно-прикладное творчество в мировом масштабе шагнуло в обеспечение гарантий существования национально-этнической культуры. Все они связаны с глобализированной защитой еще не сформированной этноличности.

Стоит обратить внимание на некоторые тенденции, характерные для современности. Если материальную культуру понимать как способ рационального осмысления действительности, упаковывающий этнические смыслы в некую целостную универсальную систему, то долгое время исследователи акцентировали внимание на проблеме этноразличий, а не на том, что этническое самосознание может также проявляться в виде осознания субъектом своей этнической общности, в том числе и через декоративно-прикладное творчество [6].

Этническое самосознание может также проявляться в моменты приобщения к этническим традициям своих предков. В рамках этого направления можно говорить уже о каком-то более глубоком понимании смыслового наполнения, когда знаковая система не просто подводится к реальности, а речь идет о глубоких смыслопорождающих процессах [9]. Но здесь ремесленник должен обладать необходимым багажом этнических сакральных знаний. Например, у кыргызов социальная инициация внутри этноса проходит через родосемейную принадлежность: “сын кузнеца”, “скорняка” и так далее.

Нам видится, что данное направление можно назвать “глубокой семиотикой”, которая отходит от внешне проявляемых структурных отношений и связывает знаки культуры с личностными аспектами осмысления и смыслопорождения, динамики развития общества. Это само по себе открывает новые перспективы для понимания роли и значения природы смысла материальной культуры в жизнеобеспечении этноса.

В заключение хотелось бы отметить, что современное общество находится в некоей переходной стадии, переживает весьма интенсивную трансформацию. А всякая трансформация проходит две стадии: во-первых, размывание старых смысловых структур, и, во-вторых, выстраивание новых смысловых рядов из новых и отстраненных смыслов, то есть восприятие

инновации. И это в полной мере находит свое отражение в мировоззренческом концепте прикладного творчества кыргызов.

Литература

1. *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М., 1983.
2. *Гумилев Л.Н.* Конец и вновь начало. М., 1994.
3. *Летучих А.В.* История и перспективы развития культуры в Тюпском районе // Перспективы регионального развития Иссык-Кульской области. Бишкек, 2002.
4. *Немых А., Филиппова А., Летучих А.* Проблемы этнического мира и современность. Бишкек, 2003.
5. *Бахтин Л.М.* Вопросы эстетики народного творчества. М., 1997.
6. *Бабков В.Г.* Кризисные этносы. М., 1998.
7. *Антипина К.И.* Культура и быт кетмень-тюбинских киргизов (по материалам этн. эксп. 1973 г.). Фрунзе, 1979.
8. *Садохин А.П.* Этнология. М., 2000.
9. *Фресс П., Пиаже Ж.* Экспериментальная психология. Вып. 5. М., 1975.